

«ПРИЕЗЖИЙ ИЗ СТОЛИЦЫ» Г. Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО И «РЕВИЗОР» Н. В. ГОГОЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 21.

УДК 821.161.11.1

Сенько І.М. «Заїжджий із столиці» Г. Ф. Квитки-Основ'яненка і «Ревізор» М. В. Гоголя: порівняльно-історичний аналіз; 12 стор.; бібліографічних джерел 16; мова російська.

Анотація. У статті розглядаються комедії «Заїжджий із столиці» Г.Квитки-Основ'яненка (написана в 1827, опублікована в 1840) і «Ревізор» М.Гоголя (написана в кінці 1835) у контексті російсько-українських літературних взаємин.

Ключові слова: компаративістика, російська драматургія, українська драматургія.

Summary. The article deals with the comedies "Newcomer from the Capital" by H.F.Kvitka-Osnovyanyenko (written in 1827, published in 1840) and "The Inspector General" by N.V. Gogolj (written at the end of 1835) within the context of Russian and Ukrainian literary connections.

Key words: comparatives, Russian drama, Ukrainian drama.

Общеизвестно, что в комедиях «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» (создана в 1827, опубликована в 1840 году) Г. Ф. Квитки-Основьяненко и «Ревизор» (1835) Н.В.Гоголя много общего – и в сюжете, и в системе образов, и в сатирической направленности. В предисловии к 8-томному изданию произведений Квитки-Основьяненко литературовед С.Зубков коснулся вопроса о том, что автору запоздалой публикации «Приезжего из столицы» его современники предъявляли бесосновательные обвинения... о зависимости его произведения от шедевра Н.Гоголя. При этом С.Зубков заявил, что литературоведы пришли «к определенному выводу относительно возможной зависимости его («Ревизора»). – И.С.) от пьесы Квитки» и что они «отказались от продолжения этой давно уж бесплодной дискуссии» [7, с.10]. А в российских гоголеведческих исследованиях вообще не принято упоминать хотя бы о типологической общности этих двух произведений о мнимом ревизоре. В энциклопедии Б.В.Соколова «Гоголь» (Москва, 2007) подчеркивается: «Замысел «Ревизора» был подсказан Гоголю А.С.Пушкиным, который в конце октября или в начале ноября 1835 г. рассказал ему историю Хлестакова» [6, с.462].

Действительно, в письме к Пушкину 7 октября 1835 Гоголь писал: «Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее черта. Ради бога. Ум и желудок мой оба голодают» [12, с.146]. И в бумагах Пушкина обнаружен план произведения о каком-то Криспине, которого в губернии приняли ошибочно за высокопоставленного чиновника из Петербурга: «Криспин приезжает в губернию N на ярмонку – его принимают за ambassadeur – Губернатор честный дурак. – Губернаторша с ним кокетничает – Криспин сватается за дочь» [13, с.460]. И профессор славянской истории и литературы Московского университета О.М.Бодянский в дневнике (опубли-

кован в «Русской Старине» в 1889) засвидетельствовал: «Гоголь при разговоре, между прочим, заметил, что первую идею к «Ревизору» подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче Свиныне, как тот в Бессарабии выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника и только, зашедши уже далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен» [цит.: 3, с. 191]. Граф В.Соллогуб в своих воспоминаниях («Русский архив», 1865) эту же историю изложил немножко в иной интерпретации: «Пушкин рассказал Гоголю про случай, бывший в городе Устюжне Новгородской губ., о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того, Пушкин, сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В. А. Перовским секретная бумага, в которой Перовский предостерегался, чтобы был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом» [цит.: 3, с.191].

Но рассказ А.С. Данилевского (в передаче В. И. Шенрока) о совместной поездке с Н. В. Гоголем и И. Г. Пашенко в августе 1835 года из Киева в Москву даёт основание утверждать, что идея произведения о мнимом ревизоре зародилась у Гоголя раньше его письма-просьбы к Пушкину подсказать «смешной сюжет» для комедии: «Здесь была разыграна оригинальная репетиция «Ревизора», которым Гоголь был тогда усиленно занят. Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое произведет на станционных зрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пашенку выезжать вперед и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки... Благодаря этому маневру, замечательно счастливо удавшемуся, все трое катили с необыкновенной быстротой...

В подорожной Гоголя значилось: «адъонкт-профессор», что принималось обыкновенно сбитыми с толку зрителями чуть ли не за адъютанта его императорского величества» [цит.: 6, с.464]. Ещё один факт из истории «Ревизора» обращал на себя внимание гоголеведов: несвойственная Гоголю быстрота написания этого произведения – чуть больше месяца, если брать во внимание, что сюжет комедии подарен её автору А. С. Пушкиным. Рассказать Гоголю о похождениях прототипов будущего Хлестакова автор «Бориса Годунова» и почитатель Фонвизина мог только после возвращения из Михайловского в Петербург, т.е. после 23 октября 1835 года, а уже 6 декабря создатель «Ревизора» сообщил Михаилу Погодину: «Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву вместе с просьбою предупредить кого следует по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенкету его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дня окончить эту пьесу. Той комедии, которую я читал у вас в Москве («Женитьба». – И.С.), давать не намерен на театр» [12, с.359].

Известные гоголеведы Николай Тихонравов и Владимир Шенрок считали, что работу над комедией Гоголь начал раньше – в 1834 году [см.: 3, с. 191, 664, 666]. Знаменитый французский писатель Анри Труайя, автор художественной биографии «Николай Гоголь», среди предшествующих «Ревизору» комедий, кроме «Приезжего из столицы» Квитки-Основьяненко, назвал «Немецкое захолустье» («Die deutschen Kleinstädter», 1803) немецкого романиста и драматурга Коцебу [16, с. 189].

Гоголь мог знать пьесу Коцебу о заурядном путешественнике, которого в маленьком городке принимают за высокопоставленного чиновника. В письме к матери 26 февраля 1827 года он сообщал из Нежина, что в репертуаре самодеятельного театра гимназистов были «две французские пьесы соч. Мольера и Флориана, одну немецкую соч. Коцебу» [5, с.265]. В то время драматические произведения Коцебу были доступными и для гимназистов – ведь в 1824 году в Петербурге издан в переводе на русский язык в 12 книгах сборник пьес этого драматурга под общим названием «Театр А. фон Коцебу» [14, с.782]. Возможно, что «Немецкое захолустье» имел в виду М.П.Погодин, когда в ноябре 1840 года на упреки автора «Ревизора»: «И ты в познании сердца человеческого из Шекспира попал в Коцебу», – отвечал иронически: «Прости меня... Ни Шекспир, ни Коцебу не знают тебя! И знают иногда, но чужое, а не свое» [12, с.383].

Назвав предшественников в разработке темы мнимого ревизора и возможных литературных прототипов Хлестакова, Труайя подытожил:

«Но ни один из этих прототипов не смог так вдохновить Гоголя. Он отверг все другие замыслы, кроме пушкинского» [16, с. 189].

Но если сопоставить две комедии – Квитки-Основьяненко и Гоголя, то увидим много таких совпадений, которые не объяснимы на уровне типологического мышления.

В «Приедем из столицы» (цензурное разрешение на ее публикацию дал С. Аксаков 18 октября 1828 г.) Квитка-Основьяненко, воспользовавшись известным анекдотом (так в те времена называли занимательные бывальщины) о похождениях проходимца, которого в захолустье воспринимает за важную персону, утверждает просветительскую идею о недопустимости пребывания на государственной службе людей невоспитанных, безнравственных, таких как городничий Трусилкин, встречающий «ревизора» весьма приветливо, ибо в столице, кроме министра Тимофея Добротворова, стремится занять еще одного покровителя, судья Спалкин, поштмейстер Печаталкин, пристав Шарин, стряпчий Кусакин, квартальный Грошехватов. В соответствии с правилами классицизма «говорящими» фамилиями наделены и позитивные персонажи: майор Василий Милов, сирота Анна Любимова, ее опекун Василий Отчётин... Поименован соответственно и проходимец из столицы: Владислав Пустолобов. Высмеивается французмания (дочь Кусякиных), женитьба и замужество по расчету (сестра городничего Домна и Пустолобов). В последнем действии зло наказывается (мнимый ревизор арестован), благородство – вознаграждается (Милов и Любимова соединяют свои судьбы).

В комедии Гоголя – такая же система персонажей с говорящими фамилиями: городничий Сквозник-Дмухановский, зритель училищ Хлопов, судья Ляпкин-Тяпкин, частный пристав Уховертов... Но если в произведении Квитки-Основьяненко звучит просветительская идея о зависимости общественной жизни от уровня воспитания (даже «ревизорство» Пустолобова истолковывается как следствие невоспитанности – за недостойное дворянина поведение он выгнан из университета), то Гоголь общественную жизнь провинциального городка изобразил с большей разоблачительной силой художественного обобщения – он говорит и о взяточничестве, и о заискивании перед «его величеством чином», и о грубости нравов уездных чиновников... Пустолобов знал, чем можно искушить власть предержащих, и предлагает Печаталкину: «...что вы желаете получить: чин, орден, место или денежное вознаграждение? Я вам все доставлю», – но поштмейстер не поддался искушению. В «Ревизоре» все персонажи готовы впасть в эти грехи.

Поэтому, чтобы «Ревизор» прошел цензуру, нужно было прибегнуть к высокому заступничеству царя Николая I, которого в целесообразности поддержать комедиографа убеждали поэт Жуковский, князь Вяземский, граф Виельгорский. Подтверждение этого факта – в письмах: П.Вяземский – А.Тургеневу: «Государь читал пие-

су в рукописи» [3, с.198]; Гоголь – матери: «Если бы сам государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то, вероятно, «Ревизор» не был бы никогда игран или напечатан» [3, с.198]. Царь был и на премьере в Александринском театре 21 февраля 1836: «Комедия Гоголя «Ревизор» наделала много шума, – записал в дневнике цензор Александр Никитенко 28 апреля 1836 г. – Ее беспрестанно дают, почти через день. Государь был на первом представлении, хлопал и много смеялся» [11, с.182]. Комедия автором была продана петербургской дирекции театров за 2500 рублей ассигнациями. Сохранилось распоряжение министра императорского двора купить «вещь в 800 рублей» для подарка Гоголю за поднесенный государю экземпляр «Ревизора» [см.: 3, с.207].

Естественно, что появление в печати в 1840 году комедии Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы» было воспринято как неудачное подражание Гоголю. Действительно, легко обнаружить совпадения в двух произведениях. Сравним слова городничего: «Замучился совсем. К нам едет важная особа и чуть ли не ревизор» (Квитка-Основьяненко, действие 2, явление 2); «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор» (Гоголь, действие 1, явление 1). В обеих комедиях есть немая сцена: у Квитки-Основьяненко – когда услышали, будто Пустолобов уговорил Анну Петровну бежать с ним венчаться в церкви (ремарка: «Все вскрикивают: «С Анной Петровной!» Городничий стоит в удивлении; Милов почти без чувств склоняется на руки изумленного Отчетина; Спалкин, как открыл табакерку, в этом положении и остался»); у Гоголя – когда чиновники услышали о приезде настоящего ревизора. И в одном, и в другом произведении движущей силой событий является слепое чиновничье почитание. Сходство комедий найдем во многих эпизодах: попытка городничих через женитьбу близких устроить свои карьеристские и финансовые дела; письмо проливающее свет на то, кем является мнимый ревизор (письмо губернатора – у Квитки-Основьяненко, письмо Хлестакова – у Гоголя); требование лошадей Пустолобовым (Печаталкин: «Недавно спросил у меня шесть почтовых лошадей с надежными ямщиками, знающими все ближайшие селения») и Хлестаковым (Осип: «... скажи почтмейстеру, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую») и т.д. Не удивительно, что кто не знал истории «Приезжего из столицы», мог Квитку-Основьяненко как менее известного автора заподозрить в плагиате.

О том, как реагировал Квитка-Основьяненко на безосновательные обвинения, узнаем из его писем: П. Плетневу – 18 мая 1840: «Вы, я думаю, видели в *Пантеоне*, 3 книжке, мою комедию. Она точно написана давно, была у меня брошена, попала вовсе без цели в Петербург и, не спрося моего желанья, помещена в *Пантеон*. Я недоволен ею...» [9, с. 179-180]; Ф.Кони – 18 мая 1840: «Шалун – нами общелюбимый Е. П. Гребенка –шиб

меня с ног письмом своим, написав, что *Приезжий из столицы* заехал к Вам в *Пантеон*. Куда ему между добрых людей было показываться? И переслал я его только по нужде, что не выберут ли чего кусочком для помещения где-нибудь, а он его целиком пихнул прямо в большой свет, и еще после Гоголева *Ревизора*... Не все же будут знать, что комедия написана прежде *Ревизора*; не все будут знать, что я безо всего отдал на сцену, а припишут и сему, и тому, и Бог знает чему! Вот почему не хочется мне выставить ее на поругание, а больше не дать повода скалозубить над собою...» [9, с. 182, с. 184]; П. Плетневу – 3 августа 1840: «Прискорбно мне было читать в журналах, что будто у меня есть чрез комедию какое-то соперничество с Гоголем. Вот уж никогда не думал и, если бы это предвидел, верно, никогда бы не выслал к ним своей комедии» [9, с. 189]; П. Плетневу – 1 февраля 1841: «Защищаться, оправдываться, толковать цель, намерение? Кто может успеть в том? (...) Вы когда-то писали, что «Гоголя заглушили бы, но что его поддерживал царь». Куда же мне, былинке, мечтать о том?» [9, с.221].

Действительно, комедия Гоголя его современниками воспринималась по-разному. Одни (в том числе и царь) смотрели на «Ревизор» как на безобидный фарс. Другие (прежде всего Белинский) акцентировали внимание на сатирическом обобщении в этом произведении пороков всего государства. Третьи возмущались: граф Ф. И. Толстой-американец воспринял автора комедии «врагом России», которого следует «в кандалах отправить в Сибирь»; Фаддей Булгарин в двух фейлетонах-рецензиях в «Северной пчеле» публично заявлял, что Гоголь «клеветает на Россию», что городок, изображенный Гоголем, «не русский, а малороссийский или белорусский»; ему вторил Осип Сенковский (Барон Брамбеус) в «Библиотеке для чтения» (1836, май): «Административные злоупотребления в местах отдаленных и малопосещаемых существуют в целом мире, и нет никакой достаточной причины приписывать их одной России, перенося анекдот на нашу землю и обставляя ее одними только лицами нашего народа» [цит.:15, с.448].

Хронотопы обеих комедий позволяют определить, в каких городках побывали приезжие из столицы: у Квитки-Основьяненко – где-то на юге Украины, ибо в письме городничему таинственный информатор из губернского города сообщил: «При сем спешу вас уведомить – держите ухо востро! Чрез ваш город поедет важная и знатная особа, но кто – неизвестно... Он едет якобы в Крым...» [8, с.62], – а дорога из Петербурга в Крым в те времена пролегла через Полтаву; у Гоголя Хлестаков возвращается в Петербург из Пензы (он сетует: «Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой»), а из Пензы в Петербург через Москву были только два маршрута – через города России Тамбов, Козлов и Рязань или через Муром и Владимир. Но Сенковский, вопреки реальным пьесам, предлагал этот городок искать не в

России, а «в Малороссии или в Белоруссии» [см.:15, с.448].

Если бы Гоголь при таком взгляде на Украину назвал Квитку-Основьяненко своим предшественником в разработке темы о мнимом ревизоре, это могло бы отрицательно повлиять на восприятие «Ревизора» театрами и читающей публикой. Другое дело – Пушкин! Но факт остается фактом: «Приезжий из столицы» предьявлен в цензурный комитет за 8 лет до «Ревизора».

Воспоминания С.Аксакова «История моего знакомства с Гоголем» (1854-1859) могут указать путь поиска ответа о том, как о содержании ненапечатанного произведения Квитки-Основьяненко мог узнать автор «Ревизора». Ведь Сергей Аксаков, владелиц знаменитого подмосковного имения Абрамцево, работал цензором и был в дружеских отношениях как с автором «Приезжиги из столицы», так и с автором «Ревизора». Сохранилось письмо Квитки-Основьяненко С.Аксакову от 17 апреля 1828 года, позволяющее сделать вывод, что у цензора в связи с разрешением публикации «Дворянских выборов» были неприятности: «Приношу Вам чувствительнейшую благодарность за Ваше участие. Жаль мне очень, ежели сия комедия нанесла Вам много беспокойств. Меня беспокоит, ежели я причиною оных. Неужели было роптание на Вас за пропуск ее? В таком разе, хотя роптание и несправедливо, но я все боюсь, чтобы она не была худо принята на театре, тем более, что Вы сами находите, что ни один бы директор не согласился поместить ее в репертуар» [9, с.114]. Возможно, по такой же причине после цензурного разрешения не была опубликована и комедия «Приезжий из столицы», об истории которой Аксаков мог рассказать Гоголю, когда они познакомился в июле 1832 года.

Вот как об этом знакомстве рассказал Аксаков: «В 1832 году, кажется весною, когда мы жили в доме Слепцова на Сивцевом Вражке, Погонин привез ко мне, в первый раз и совершенно неожиданно, Николая Васильевича Гоголя». Рассказав о первой встрече, Аксаков припомнил вторую их встречу, когда они пошли в гости к Загоскину: «Дорогой разговор шел о Загоскине. Гоголь хвалил его за веселость, но сказал, что он не то пишет, что следует, особенно для театра. Я легкомысленно возразил, что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично – и пусто, что «... даже глупости смешной / В тебе не встретишь, свет пустой», – но Гоголь посмотрел на меня как-то значительно и сказал, что «это не-

правда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что, если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его». Может быть, он выразился не совсем такими словами, но мысль была точно та. Я был ею озадачен, особенно потому, что никак не ожидал ее услышать от Гоголя. Из последующих слов я заметил, что русская комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее» [1, с.90].

Возможно, во время этого разговора цензор Аксаков рассказал интересующемуся драматургией гостю о комедиях драматурга из Харькова – автора «Приезжего из столицы» и «Дворянских выборов». Но Гоголю престижнее было назвать себя последователем Пушкина и умолчать о возможном влиянии на него (даже в выборе темы!) драматурга из провинции. Но и сам Квитка-Основьяненко признавал, что в сравнении с «Ревизором» его произведение художественно проигрывает: «Никогда не должно идти ничто в сравнение с пьесой всем известною, всеми любимую и признанною неподражаемою. Выигрыш невозможен... Потому-то я и спрятал было его, когда вышел *Ревизор*. И Вы сами согласитесь, что мой *Приезжий* требовал бы прежде большой чистки, некоторых перемен и отмен и проч. Теперь что остается?.. Беда! Попал под палки!» [9, с. 182].

Поэтому есть все основания рассматривать обе комедии в контексте русско-украинских литературных связей: Квитка-Основьяненко в «Приезжем из столицы», продолжая разоблачительные тенденции русской просветительской сатиры (творчество Новикова, Капниста и Фонвизина), используя классицистический стиль, подверг осмеянию отдельные стороны украинской действительности; Гоголь пошел дальше – в «Ревизоре» собрал «в одну кучу все дурное в России» и «за одним разом посмеялся над всем» [4, с. 227], его комедия, по словам критика Н. Селивановского в журнале «Молва» (1836, № 9), возникла «не из подражания, но из собственного, быть может горького, чувства автора» [10, с. 175]. И если ряд конкретных совпадений в «Приезжем из столицы» и «Ревизоре» не можно объяснять как генетические параллели, то их можно рассматривать на типологическом уровне, но при этом нельзя отвергать историко-культурные связи в контексте развития русской и украинской драматургии первой половины XIX века.

Література

1. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников / Ред. текста, предисл. и коммент. С.Машинского. – М.: ГИХЛ, 1952. – С.87–208.
2. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: ГИХЛ, 1960. – 687 с.
3. Вересаев В. Гоголь в жизни: системный свод подлинных свидетельств современников. – Харьков: Прапор, 1990. – 680 с.
4. Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1959. – Т.4. – С. 3–96.
5. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1959. – Т.6. – 563 с.
6. Гоголь: энциклопедия / Б.В.Соколов. – М.:Алгоритм, Эксмо, Око, 2007. – 735 с.

7. Зубков С.Д. Перший класик української художньої прози // Квітка-Основ'яненко Гр. Твори: у 8 т. – К.: Дніпро, 1969. – Т.1.– С.5–43.
8. Квітка-Основ'яненко Гр. Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе // Квітка-Основ'яненко Гр. Твори: у 8 т. – К.: Дніпро, 1969. – Т. 1. – С. 47–126.
9. Квітка-Основ'яненко Гр. Твори: у 8 т. – К.: Дніпро, 1970. – Т. 8.
10. Н. В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников / Подгот. текста, предисл. и примеч. С. Машинского. – М.: Детгиз, 1959. – 368 с.
11. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 1. – 542 с.
12. Переписка Н.В.Гоголя: в 2 т. – М.: Худож. литература, 1988. –Т. 1. – 479 с.
13. Пушкин А.С.Собр. соч.: в 10 т. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 5.
14. Слободкин Г.С. Коцебу // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопед., 1966. – Т.3. – С. 782.
15. Слонимский А.Л. Примечания // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. – М.: ГИХЛ, 1959. – Т.4: Драматические произведения. – С.431-461.
16. Труайя А. Николай Гоголь / Перевод с франц. Ш.Кадыргулова. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.

Сенько Іван Михайлович – канд. філол. наук, доцент, завідувач кафедри російської літератури УжНУ.